

они в основном не вступают в противоречие с христианским учением.

1. Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Академический проект; Раритет, 2001.
2. См.: Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь // Чтения о Богочеловечестве. – СПб.: Азбука, 2000.
3. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Русские философы. Антология. – М.: Книжная палата, 1994.
4. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – М.: Канон, 1996.
5. Булгаков С.Н. О закономерности социальных явлений // Труды по социологии и теологии: В 2 т. – Т. 1. От марксизма к идеализму. – М.: Наука, 1999.
6. Булгаков С.Н. Свет Невечерний. – М.: Республика, 1994.
7. Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева? // Труды по социологии и теологии... Т. 1.
8. Булгаков С.Н. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.
9. Халленслебен Б. Кто субъект истории? // Общественные науки и современность. – 1996. – № 2.
10. Лосский Н.О. Идеал-реализм (Из книги «Общедоступное введение в философию») // Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М.: Республика, 1995.

И.П. Ковтун

ФИЛОСОФИЯ КРИЗИСА А.И. ГЕРЦЕНА

Hertzen's works contains revolt against European thinking modes. Embodiments of this revolt are the beginnings of crisis philosophy.

Особым направлением философских исследований является складывающаяся в прошлом и начавшемся столетиях философия кризиса.

Традиционно летоисчисление современных теорий глобального кризиса принято вести от «Заката Европы» О. Шпенглера. Немецкий философ нарисовал весьма впечатляющую картину культурного распада общества. Однако ощущение надвигающегося социального и духовного кризиса витало в воздухе и фиксировалось как западными, так и русскими мыслителями задолго до выхода в свет книги Шпенглера. «Хорошо известно, – пишет Т. Ю. Сидорина, – что Н. Данилевский и К. Леонтьев предвосхитили многие идеи Шпенглера о закате рационалистической культуры Запада»¹. К теме кризиса общества, особенно в его социокультурном и человеческом выражении, обращаются в XX в. многие видные представители европейской философии: Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Гвардини, А. Камю и др. Но совершенно особое место кризисное мироощущение занимает в русской философии. Вл. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев, Г. Федотов, П. Сорокин, А. Герцен посвятили этой теме не одну сотню страниц своих произведений.

Много раз отмечалось, что мироощущение Герцена даже в юные годы отличалось катастрофизмом. Конечно, прежде всего сам Герцен свою эпоху переживал как переходную, как водораздел двух миров, когда потребность раздумывать становится острее. Но ему все чаще приходится замечать, что кризисное сознание, кризисное мироощущение сопровождает человека на всем протяжении его исторического развития и лишь обостряется в периоды социальных трансформаций.

В ученические годы взгляды Герцена были основаны на идеализации Европы. Он был убежден, что европейская цивилизация – единственное высшее достижение, к которому следует стремиться всем другим странам. Она – образец для подражания, некий рубеж или модель. Герцен много раз доказывал, что просвещенный русский человек «постоянно обращал свои взоры к Западу», ибо «Родина его цивилизации, его мысли находилась вне России»². Герцен думал, что будущее развитие человечества связано с революционным преодолением антагонистических проти-

11. Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. – М.: Факториал, 1998.
12. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX – XX веках. Русская философия в поисках абсолюта. Ч. 2. – СПб.: Алетейя, 2000.
13. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992.
14. Бердяев Н.А. Смысл истории // Смысл истории. Новое средневековье. – М.: Канон; ОИ «Реабилитация», 2002.
15. Гайдадым Э.Л. Православно-теистические социальные утопии XIX в. // Философские науки. – 1991. – № 12.
16. См.: Сидонский Ф. Введение в науку философии. СПб., 1833; Его же. Предубеждение // Библиотека для чтения. – 1934. – Т. 7. – Отд. 6.
17. Сидонский Ф. Введение в науку философии...
18. Сидонский Ф. Три поучения. – СПб., 1839.
19. См.: Юркевич П.Д. Курс общей педагогики. – М., 1869; Его же. Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божьего // Философские произведения. – М., 1990; Мир с ближними, как условие христианского общежития // Философские произведения; Чтения о воспитании. – М., 1865.
20. Юркевич П.Д. Мир с ближними как условие христианского общежития // Философские произведения. – М., 1990.
21. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. – М.: Республика, 1995.

воречий общества, как это происходит в странах Европы. На этом фоне не могут не угнетать отсталость России, катастрофичность ее отставания и неспособность преодолеть отсталость. Вместе с тем войны, противоречия рациональности идей прогресса и гуманизма, экономические катаклизмы, стремительное развитие техники и технологий, рост промышленного производства и другие явления только расширяют и углубляют кризисное мироощущение. Кризисное состояние общества характеризуется разными параметрами социального и культурного развития, затрагивающими каждую сферу социальной жизни – как политическую, экономическую, производственную и собственно социальную, так и культурную жизнь – духовно-нравственную, литературную, этническую, правовую и т. п.

Кризисное мировоззрение было свойственно Герцену. Его первые философские воззрения на будущее развитие человечества ориентированы на Запад, но окружающее там человека гниение отравляло мысль. За границей оптимистическая вера в неизбежность и разумность социального прогресса, поколебленная еще в России, окончательно признается им несостоятельной. Герцен был навсегда разочарован в возможностях прогресса на европейский лад. Его кризисное мироощущение сделалось необратимым и всеохватным. И спасла Герцена (по его же признанию) от нравственной гибели только вера в Россию.

Критическое отношение к западной цивилизованности выражалось достаточно ясно уже в «Письмах из Франции и Италии». Описывая первые впечатления русского человека о европейской жизни, он делает вывод, что особенно бросается в глаза «печальное знамение остановки, предела, смерти»³. Это отношение стало преобладающим в работах «С того берега» и «Концы и начала», где под концами и началами можно понимать соответственно Европу и Россию. Критика западной цивилизации, постоянное сравнение павших народов Европы со здоровым русским народом и с самодостаточными народами Востока пронизывает теперь фактически все произведения Герцена.

Окончательной социальной и экономической формой западной цивилизованности Герцен считает мещанство, т.е. буржуазность. Вместе с тем мещанство в его понимании – это в духовном смысле признак посредственности, «стирания личности, красоты породы». В силу этого мещанство становится «последним словом цивилизации» и обретает внесословный и внеклассовый характер, хотя и связано преимущественно с обладанием собственностью. Мещанство основано на «безусловном самодержавии собственности, это – демократизация аристократии, аристократизация демократии». С мещанством заканчивается

рост, оно предоставляет людям скромный покой, менее тревожную жизнь и посильное довольство, не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. С мешанством «растет благосостояние» и «стертые люди сытее», но мешанство именно «стирает» личность – «родовой типизм сглаживает все индивидуальное, беспокойное, эксцентрическое. Люди как товар становились чем-то гуртовым, оптовым, дюжинным, дешевле...». Отсюда и равнодушные, свойственные западным людям, и «вся тайна замены лиц массами, поглощение личных самобытностей родом»⁴.

Таким образом, критикуя западную культуру и восприимчивая омешивание людей как проявление кризиса общества, Герцен вполне очевидно предвосхищает современную философскую критику массовой культуры, массового общества и техногенной цивилизации. Так, Н. Бердяев считал, что жизнь человека XX в. необратимо рационализируется и механизмуется, растет его благополучие и облегчается жизнь. Но в этом и заключается парадокс, потому что «технизация жизни есть вместе с тем ее дегуманизация». Техника дает человеку материальные ценности и уничтожает духовные. Утрачиваются нравственные и культурные ценности, растет отчуждение – личность разлагается, человек обезличивается. Никакая техника не спасет «обездушенное, обезличенное, мешанское общество». Это может означать конец истории⁵. Об этом же и теми же словами говорил Герцен, отмечая, однако, что мешанство свойственно не всем народам. Некоторым народам оно «противно, а другие в нем как рыба в воде. Испанцы, поляки, отчасти итальянцы и русские имеют в себе очень мало мешанских элементов; общественное устройство, в котором им было бы привольно, выше того, которое может им дать мешанство»⁶.

Герцен согласен, что мешанское благоустройство – огромный успех для народов Европы, но он видит, что этот успех здесь считают окончательным или «достаточным». Европа приходит в успокоение, она близка к «насыщению» и «стремится, усталая, осесть, скристаллизироваться, найдя свое прочное общественное положение в мешанском устройстве». И наиболее близка, по его мнению, к этому Голландия, – «она первая успокоилась до прекращения истории». Это «прекращение роста» Герцен называет совершеннолетием, «покойной колеей взрослого человека».

Своим размышлениям о мешанстве Герцен находит созвучие в мнениях влиятельного в Европе Д.С. Милля, высказанных в его книге «О свободе». Мысли Герцена во многом перекликались с утверждениями Милля, который замечает в развитии народов некий предел, после которого они останавливаются. Это происходит обычно тогда, «когда личности начинают стираться, пропадать в массах», когда личность начинает подчиняться обычаям. «Гнет обычая останавливает развитие... и если большая часть человечества не имеет истории, то это потому, что жизнь ее совершенно подчинена обычаям»⁷. Крайне интересно, что за пятнадцать лет до Милля Герцен писал: «Все, что выпадает из общего русла или не втекает в него, что замирает в стоячести или, усталое, падает на полдороге, что случайно, частично, – тогда только имеет право на историческое значение, когда оно не бесследно; в противном случае история забывает – и этом великое милосердие ее! История Китая обыкновенно преподается короче, нежели история каждого города Италии: неужели вы думаете, причина этому пристрастие, даль или близость?»⁸. Герцен соглашается с Миллем в том, что в современном образованном мире сильно умственное превосходство, но, несмотря на это, все идет к посредственности, лица теряются в толпе. Нравственной основой поведения становится требование жить как другие, а для этого не требуется «ни ума, ни особенной воли; люди... остаются добропорядочными, но пошлыми людьми»⁹.

Беспреданно говоря о европейском кризисе, Герцен, безусловно, все больше верит в Россию и в то, что путь

у России должен быть отличен от пути Европы. Эта вера обусловлена особенностями национального российского характера, который постоянно занимает Герцена, причем в сравнении с особенностями характеров как англичан, французов, немцев, итальянцев, швейцарцев, так и китайцев, японцев, индусов, мусульман.

Этот богатейший материал, несомненно, стимулировал учение Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах. Огромную роль в истории, считал Данилевский (как и Герцен), предстоит сыграть России и славянскому миру. Следует отметить, что, по Данилевскому, историческая миссия России не должна восприниматься как какой-то фатальной необходимостью. То же самое мы находим у Герцена: «Может... Россия вовсе не разовьется, но именно потому, что это может быть – может быть и другое. И тем больше, что в том череду, как стали вопросы, в случайностях места и времени развития, в условиях быта и жизни, в постоянных складках характера – бездна указаний»¹⁰.

Различие национальных характеров народов выражается в различии их национальных культур. Одни народы (наиболее отсталые) только находятся на пути к зрелости и эта зрелость – конечная цель их исторического движения, другие (наиболее развитые) уже пришли к концу истории. И речь опять ведется о Востоке и Западе. Европейская культура считается высокой, но находится в кризисном состоянии, как и все европейское общество. Кроме нее, по европейским же меркам, существует культура низкая. К ней относится культура Китая, Японии, Индии и др. Герцен говорит о том, что так же, как есть люди, «удовлетворяющиеся малым, с бедными потребностями, с узким взглядом и ограниченными желаниями», так «есть и народы с небольшим горизонтом, с странным воззрением, удовлетворяющиеся бедно, ложно, а иногда даже пошло»¹¹. Герцен объясняет этот покой, эту стагнацию тем, что общественный быт этих народов давно хорошо и прочно сложен. Там все подчинено обычаю. А развитие происходит только там, где непрерывно стремятся к лучшему. Китайцы и японцы «неизменно одни и те же» потому, что эти два народа нашли «наиболее соответствующую гражданскую форму для своего быта»¹². Их быт так улажен, так спокоен. Заметим от себя, что это не помешало им через каких-то лет восемьдесят явить коммунизм и милитаризм.

Противопоставляя высокой культуре Запада низкую восточную культуру, Герцен, тем не менее, вовсе не считал, что западной культуре не грозит возможность и опасность усреднения, а то и потери своеобразия. С ростом технического развития связаны процессы массовизации общества. Растет специализация людей, каждый занимается какой-то узкой профессиональной операцией. Характер труда упрощается. Человек теряет ценность собственного характера и личности. В результате плодятся множество обезличенных существ, людей массы. Обобществление экономических форм человеческой деятельности, повсеместное укоренение механизмов социального обеспечения, бюрократизация общественной жизни, инструментализация массовой информации, пропаганды, рекламы привели в XX в. к расцвету индустрии сознания, обслуживаемой целой армией работников интеллектуального и творческого характера. Основным продуктом этой индустрии творцов-интеллектуалов стали массовая культура и массовый человек.

Нивелирование людей все ускоряется по мере нарастания кризисных явлений в обществе. Это приводит к ситуации, когда единственным средством сдерживания этой массы становится государственное насилие. Распространение «человека массы», который считает, что жизнь должна быть легкой и обильной вне зависимости от его собственных усилий, может возрождать тоталитарные структуры власти, известные с древнейших времен. С особой остротой это было понято только в XX в., да и то не всеми.

Наверное, многим из тех, кто читал Герцена в 50-е гг.

XIX в., казалось барской причудой то, что он предсказывал. «Рухнулся наконец этот мир, призрачный, дряхлый, переживший самого себя, мир распадающийся, двуначальный, неоткровенный, дошедший до лжи и смешения всех понятий, как все выживающее из ума, остановившийся на невозможных сочетаниях, на несовместных перемириях, на слабодушных уступках. Все, что он лепил, придумывал, выстроил из прошедшего и выбелил новой краской, все произведения его старческого ребячества – все рассыпалось, как карточный дом; противные сумерки пропали». «Вся Европа выйдет из фуг своих, будет втянута в общий разгром; пределы стран изменятся, народы соединятся другими группами, национальности будут сломлены и оскорблены. Города, взятые приступом, ограбленные, обеднеют, образование падет, фабрики остановятся, в деревнях будет пусто, земля останется без рук, как после Тридцатилетней войны; усталые, заморенные народы покорятся всему, военный деспотизм заменит всякую законность и всякое управление. Тогда победители начнут драку за добычу. Испуганная цивилизация, индустрия побегут в Англию, в Америку, унося с собой от гибели кто деньги, кто науку, кто начатый труд. Из Европы делается нечто вроде Богемии после гуситов. И тут – на краю гибели и бедствий – начнется другая война – домашняя, своя расправа немущих с имущими!»¹³.

Свойственное современной философии трагическое мировоззрение, безусловно, питается и герценовской мыслью. Герцену, как мало кому еще в середине XIX в., откры-

лись проблемы кризиса индустриального общества и человеческого существования в этом обществе. В любом конкретном взятом обществе сегодня совсем не трудно определить господствующую идеологию, благодаря которой людям прививаются одни и те же мысли, мнения, упрощенные схемы объяснения мира и истории, примитивные нравственные и эстетические ценности. Но ведь ими и сохраняется общество. Современный человек – раб привычек, стандартов, стереотипов мышления и поведения, стадной морали, страха, душевной и духовной лени, но, как и полтора века назад при Герцене, он стремится выйти из столь унижительного для себя состояния, видимо, полагая, что можно перестать быть человеком.

¹ Сидорина Т.Ю. Кризис XX века: прогнозы русских мыслителей. – М., 2001. – С. 34.

² Герцен А.И. О романе из народной жизни в России // Собр. соч. В 8 т. – Т. 8. – С. 29.

³ Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. – С. 216.

⁴ Герцен А.И. Концы и начала // Собр. соч. В 8 т. – Т. 8. – С. 129.

⁵ Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – М., 1995. – С. 301.

⁶ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8 т. – Т. 7. – С. 237.

⁷ Герцен А.И. Там же – С. 64.

⁸ Герцен А.И. Письма об изучении природы. – С. 187.

⁹ Герцен А.И. Былое и думы... – С. 65.

¹⁰ Герцен А.И. Концы и начала... – С. 141.

¹¹ Герцен А.И. Былое и думы... – С. 236.

¹² Там же.

¹³ Герцен А.И. Письма из Франции и Италии. – С. 206, 210-211.